

традиціоналіст і експериментатор. Заклавши основи сучасної національної самоідентичності, Грінченко відверто заакцентував болючі проблеми світоглядного і культурологічного характеру, чому присвячені його численні твори.

Ключові слова: творчість, місія, мистецтво, новаторство, національна самосвідомість, традиція.

Аннотация

В статье автор обращается к наиболее дискуссионным аспектам психологии творчества Бориса Гринченко. Писатель представлен одновременно как общественный деятель и нерядовая личность, традиционалист и экспериментатор. Заложив основы современной национальной самоидентичности, Гринченко откровенно акцентировал болезненные проблемы мировоззренческого и культурологического характера, чему посвящены его многочисленные произведения.

Ключевые слова: творчество, миссия, искусство, новаторство, национальное самосознание, традиция.

Summary

The article touches upon the most debatable aspects of psychology of Borys Grinchenko's creative work. The writer is viewed at the same time as a public figure and an extraordinary personality, a traditionalist and an experimenter. Having laid down the foundation of the national self-identity Grinchenko emphasized burning questions of world-outlook and culturological character, the issues his numerous works are devoted to.

Keywords: creative work, mission, art, innovations, national self-identity, tradition.

УДК 821.161.1–82–311.6

Карпина Е. С.,

аспирантка,

Горловский институт иностранных языков

ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет”

(Артёмовск)

ПЕРЦЕПТУАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ ВС. С. СОЛОВЬЁВА “ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ”

Роман Всеволода Соловьёва “Вольтерьянец” (1882) является второй частью пенталогии “Хроника четырёх поколений”, посвящённой описанию судеб представителей дворянского рода Горбатовых.

Произведение написано в жанре семейной хроники. Хроника (от греч. *chronos* – время) – это “литературный жанр, излагающий исторические события в их временной последовательности” [5, 1171]. Семейная же хроника представляет собой своеобразный синтез исторического и семейно-бытового романов, поскольку события жизни главных героев (в данном случае дворян Горбатовых) соотносятся с историческими событиями описываемой автором эпохи.

В центре хроники – время как субъект исторического процесса. Если в собственно историческом романе внимание автора сосредоточено, главным образом, на характерах и взаимоотношениях действующих лиц, являющихся активными участниками исторического процесса, то в романе-семейной хронике организующей силой сюжета является сам необратимый и всеподчиняющий ход времени, которому подвластны судьбы персонажей.

“Хроника образует <...> систему включения реального, исторического времени в вымышленный сюжет” [6, 487]. В семейной хронике историческому времени

отводится, как правило, второстепенная роль (в отличие от исторической хроники, в которой его определяющее значение обусловлено спецификой субжанра). Оно представлено историческими реалиями и соотносится с историческими личностями, и, таким образом, служит фоном для развития действия. Исторические события зачастую выносятся “за скобки” повествования. Авторы семейных хроник словно “снижают масштаб истории, “очеловечивая” ее, показывая частные проявления бытия семьи, через которые реализуются общие закономерности” [7, 271].

Некоторые особенности воссоздания художественного времени, а также формы его отображения в исторической беллетристике Вс. Соловьёва рассмотрены в кандидатской диссертации А. В. Лексиной “Историческая проза Вс. С. Соловьёва (генезис и поэтика)” [4], а также в трудах Е. В. Никольского – монографии “Семейная хроника в творчестве Всеволода Сергеевича Соловьёва” [8] и докторской диссертации “Проза Всеволода Соловьёва: проблемы творческой эволюции” [7]. Однако в работах указанных литературоведов предпринят анализ лишь отдельных аспектов репрезентации времени писателем и выделены особенности его воссоздания в исторической прозе романиста в целом (А. В. Лексина), а также в пенталогии “Хроника четырёх поколений” как художественной целостности (Е. В. Никольский). В кандидатской диссертации украинской исследовательницы Т. П. Воровой “Диалогия Вс. Соловьёва “Волхвы” и “Великий розенкрейцер” в социокультурном контексте эпохи” отражены наблюдения о художественном времени первой части мистической диалогии [2].

Специфика же воссоздания художественного времени в романе “Вольтерьянец” на сегодняшний день не стала предметом отдельного изучения, несмотря на то, что именно в этой части пятитомной хроники, наиболее тесно связанной сюжетно с предыдущей, категория времени приобретает особое значение. Именно художественное время романа даёт возможность рассмотреть многие образы в динамике, проследить, как складывается в дальнейшем судьба героев романа “Сергей Горбатов”.

Исходя из композиции и жанрового своеобразия произведения, в его темпоральной структуре нами выделено пять пересекающихся и дополняющих друг друга временных пластов: историческое время, событийное, хроникально-бытовое, повествовательное и перцептуальное.

Цель статьи заключается в том, чтобы изучить специфику воссоздания перцептуального времени как составляющей хронотопа романа Вс. С. Соловьёва “Вольтерьянец”.

Перцептуальное время (от лат. *perceptio* – восприятие) – время, относящееся “к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком”. З. Я. Тураева называет его также “эмотивным временем”, поскольку его основой “могут быть эмоции” [11, 17]. Е. Н. Широкова использует в качестве синонима термин “субъективное время”, который, по мнению исследовательницы, имеет более широкое значение [12, 216]. В современном литературоведении используется также и термин “внутреннее время героев” [1, 7].

Перцептуальное время зависит от психологических факторов. В нём “реализуется художественный образ, локализируются ощущения, впечатления,

переживання” [10, 19]. Оно может быть представлено воспоминаниями, ожиданиями, мечтами, предчувствиями, надеждами, снами.

Ощущение времени каждым персонажем субъективно. В индивидуальном восприятии возможны смещения объективного хода времени, воссозданного в произведении, т.е. ускорения или замедления. Когда имеет место “обращение к памяти персонажа как к внутреннему пространству для развертывания событий”, т.е. мысленное перемещение в прошлое, у него может возникнуть ощущение остановившегося времени [3, 175].

Основными функциями перцептуального времени в художественном произведении являются:

1) актуализация психического или физического состояния персонажа (например, во время тяжелой болезни), а также нагнетание определенного психологического состояния;

2) организация темпоральных антитез, являющихся средством психологической характеристики персонажей;

3) эмоционально-экспрессивное противопоставление прошлого и настоящего (при включении эмотивного времени в биографическое);

4) концептуализация времени [12, 217–218].

Перцептуальное время играет очень важную роль в жизни большинства персонажей романа: императрицы Екатерины II, графа А. А. Безбородко, князя П. А. Зубова, обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина, герцога Карла Зюдерманландского, шведского короля Густава Адольфа, великой княжны Александры Павловны, цесаревича (а впоследствии – императора) Павла Петровича, генерал-адъютанта Ф. В. Ростопчина, камердинера И. П. Кутайсова. Попробуем определить его значение в их судьбе.

Екатерина II показана во втором романе пенталогии сильно постаревшей и изменившейся, неоднократно подчёркивается, что она *“изменилась более других”* [9, 60], *“совсем другая стала”* [9, 282]. Как никогда остро она чувствует, что дни её безвозвратно уходят, но всеми силами пытается искать в себе силы жить и даже шутить по поводу смерти. С образом императрицы Вс. Соловьёв связывает, в первую очередь, мысль о том, что время не властно над воистину великим человеком: *“Екатерины не стало <...> Но разве могло это могучее, феноменальное существо исчезнуть, уничтожиться, превратиться в прах? Уничтожилось тело, но это было совсем не то, что означало собою понятие: Екатерина”* [9, 307]. *“<...> было нечто совсем не совместимое в мысли об Екатерине и о смерти. Казалось диким, невозможным, что её нет”* [9, 289]. Итак, в представлении романиста, российская монархиня – это *“великая женщина со своим законным, неотъемлемым правом на бессмертие”* [9, 310], которая оказалась сильнее времени и даже после своей кончины продолжала жить в сердцах преданных ей людей.

Граф Безбородко и, в особенности, князь Зубов, который *“привык теперь уже считать себя бесконечно выше всех”* [9, 37], мучались более других в последние часы жизни императрицы, т.к. осознавали, что *“с Екатериной они*

теряли всё” [9, 296], поскольку у нового правителя они не будут в столь высоком почёте, как у его матушки.

Горе же Нарышкина, вызванное смертью государыни – его близкого друга – было искренним и совершенно не связанным со страхом потерять влияние при дворе. После невосполнимой потери этот никогда не унывающий весельчак в миг изменился и не устоял в борьбе со временем в силу глубины своего горя: “<...> недавно, ещё несколько недель тому назад, несмотря на следы времени, которое <...> обращалось с ним бережно <...>, он оставался ещё <...> неизменным “Лёвушкой” первых лет славного Екатерининского царствования. Он ни за что не хотел признавать прав и обязанностей своей старости, он молодился, бодрился насколько сил хватало <...> А теперь <...> это был старик <...> он казался человеком даже чересчур равно состарившимся и одряхлевшим. А между тем, ещё недавно, глядя на него, можно было подумать, что этому человеку и конца не будет” [9, 382]. Лев Александрович стал в буквальном смысле заложником прошлого и, несмотря на то, что проходило время, не сумел найти в себе сил жить дальше: “<...> он понимал одно, что для него нет настоящего, нет будущего, что у него осталось одно прошедшее, и он постоянно возвращался к этому прошедшему, к этой свежей могиле и стонал, и плакал, и изнывал над нею” [9, 383].

Герцог Карл мечтал замедлить ход времени, поскольку осознавал, что в самом ближайшем будущем, а именно – с момента наступления совершеннолетия его племянника, завершится время его регенства, что повлечёт за собой потерю неограниченной власти: “Пройдёт несколько недель, и своенравный мальчик потребует от него уступки всех прав, всего значения, какими он до сих пор пользовался” [9, 155]. Прежде герцогу “казалось, что он мог вылепить его в какую угодно форму и не бояться даже времени его совершеннолетия, оно ни в чём не должно было изменить их отношений. Но теперь он ясно видел, что сильно ошибся в этих расчётах. Мальчик вышел совсем не таким, каким он желал его видеть, – мальчик становился ему поперёк дороги” [9, 156].

Густав же, напротив, мечтал о том, чтобы время шло как можно быстрее, но не только потому, что совершеннолетие давало ему право безраздельно править Швецией: юный король с нетерпением ждал своей свадьбы, он был “очень влюблён в свою невесту, очень желал как можно скорее навеки соединиться с нею” [9, 124]. Несколько месяцев, отделявшие племянника Карла от этого торжественного события, казались ему, равно как и великой княжне, целой вечностью.

Ускорить ход времени и приблизить долгожданную минуту более всего на свете желала и Александра Павловна: “<...> послезавтра обручение! Я невеста – какое счастье! Я скоро буду его женою, и уже никогда, никогда мы не разлучимся с ним <...> Милый, навсегда с тобою, там в новой, чудной стране <...> Как должно быть всё хорошо, как хочется мне скорее туда!” [9, 178]. Счастье, которого княжна ждала долгие месяцы, обрушилось в одну минуту. Поразительной является перемена, произошедшая в ней сразу же после разрыва между влюблёнными, причиной которого стало упрямство короля, отказавшегося подписать брачный контракт в силу невозможности выполнения возмущивших

его требований, касающихся вероисповедания его будущей жены, выдвигаемых русским правительством: *“Если бы тот, кто не видел великую княжну в течение последних трёх месяцев, теперь встретился с нею, то вряд ли бы узнал её, – так она изменилась <...> Следы тяжёлого страдания на молодом лице представляют собою высшую прелесть, высшую красоту, но эта красота такого рода, что тяжело и невыносимо ею любоваться”* [9, 373].

Испытав сильнейшее душевное потрясение, Александра Павловна поняла, что разлука и долгие годы вынужденных ожиданий – не самые страшные испытания, которые нередко посылает человеку судьба. Величайшая трагедия её жизни заключалась в невозможности вернуть прошлое: *“Разве бы она стала так мучиться даже и тогда, если бы она знала, что пройдут годы, много лет в разлуке, но затем наступит всё та же встреча, и Густав вернётся прежним Густавом, которого она увидела в тот незабвенный день, когда бабушка вывела её к нему. Она бы не стала терзать себя. Она ждала бы спокойно, сколько бы ни пришлось ждать <...> Но она знала, что прошлое не вернётся”* [9, 375]. Прежний Густав для неё навсегда умер. Таким образом, великая княжна, подобно Льву Нарышкину, стала заложницей прошлого, и вся дальнейшая жизнь, в одно мгновение остановившаяся, лишилась для неё смысла.

Значение времени в жизни Павла Петровича, изображённой в романе, двойственно: каждое мгновение одновременно приближает смерть его матери и тот час, когда он станет русским императором. С одной стороны – невыносимая боль, связанная с близкой и неизбежной утратой, с другой – желание взойти на всероссийский престол и твёрдое намерение *“каждому <...> подавать пример собой, своей добропорядочной жизнью”* [9, 312]. И вот, наконец, настал тот час, к которому он так долго себя готовил. Павел в последний раз вспоминает обиды, унижения и несправедливость, которые отравили большую часть его жизни, и принимает решение *“забыть всё это прошлое <...> Его нет <...> И, может быть, даже лучше, что оно было!”* [9, 311].

Итак, в значительной степени новый император благодарен прошлому, но в ещё большей степени его терзает мысль о навсегда упущенном времени: *“Он слишком долго ждал, слишком долго бездействовал и томился этим бездействием. Теперь нужно было наверстать потерянное время, и он начал борьбу со временем. Но так как время не замедляло для него своего хода, то ему оставалось только одно – каждую проходящую минуту так наполнять работой, чтобы этой работы на целый бы день хватило при других обстоятельствах”* [9, 205]. Именно такой неутомимой деятельностью была наполнена в течение пяти лет его жизнь, каждый день которой *“оставлял на нём печать свою”* [9, 406].

Наступления “своего времени” ожидает ещё один из персонажей романа – Фёдор Ростопчин, близкий друг и сподвижник Павла. Император ни минуты не сомневается в том, что *“придёт время, когда он окажет государству большие услуги”* [9, 262]. Мнение государя разделяет и другой его соратник, Иван Павлович Кутайсов: *“<...> придёт время, покажет он себя. Большому кораблю*

большое плаванье” [9, 272]. Сам же Фёдор Васильевич, чьё “искусство и умение пользоваться минутами” неоднократно подчёркивается в романе, всерьёз задумывается о своём будущем: *“на свете всё изменяется, <...> нельзя уподобиться птицам и не думать о завтрашнем дне; напротив, теперь более, чем когда-либо о завтрашнем дне следует думать. Я теперь совсем почти не у дел <...> но полагаю дожить до того времени, когда и от меня понадобится большая работа, значит, нужно к ней приготавливаться”* [9, 264]. Действительно, в эпилоге романа Ростопчин показан как один из крупнейших государственных деятелей во время Отечественной войны 1812 года.

Необходимо, на наш взгляд, упомянуть ещё одного героя романа, время в жизни которого имело особое значение, поскольку он, будучи сперва зависимым от своего прошлого и боясь *“неприятных для него напоминаний”* [9, 270], всё же стал одним из немногих, кто с течением времени в прямом смысле сумел его победить. Речь идёт об И. П. Кутайсове – преданном друге и помощнике императора. Именно Кутайсов сумел полностью уничтожить всё, что было так или иначе связано с его прошлой жизнью, раз и навсегда избавиться от её влияния и, став совершенно иным человеком, начать жизнь с чистого листа: *“Его прошлое для него не существовало больше, да и не только сам он, но и все, кто с ним теперь встречался, должны были забыть об этом прошлом. Пленный турчонок, камердинер и цирюльник превратился в сановника и самым лучшим образом играл роль свою. Человек, не знавший его истории, глядя на него, должен был непременно подумать, что он всю жизнь прожил в высшем обществе, что он с молодости был предназначен к деятельности государственной”* [9, 390]. Пройдя нелёгкий путь утверждения себя в новом качестве и окончательно порвав с прошлым, Иван Павлович, благодаря своей неустанной службе на благо отечества, был пожалован в графы.

Говоря о проблеме времени в романе “Вольтерьянец” и рассматривая её в тесной связи с образами его многочисленных исторических персонажей, следует сказать также несколько слов и *“о людях, не записавших своего имени в историю, но переживших вместе с историческими деятелями многие важные события”* [9, 443], т.е. о Сергее Горбатове и Тане Пересветовой.

Особое значение для создания перцептуального времени романа “Вольтерьянец” имеет “конспективный метод” (термин А. В. Лексиной) названный так потому, что романист словно конспектирует первую часть пенталогии, кратко пересказывая её содержание. С помощью данного приёма подчёркивается сюжетная связь с романом “Сергей Горбатов”, в чём проявляется “тенденция к циклизации” [9, 165]. Значительная часть описанных в романе событий показана сквозь призму воспоминаний героев, мысленно переносящихся в прошлое. Воспоминания связаны гораздо чаще с осмыслением собственных поступков, а не переломных моментов истории, что обусловлено жанровой спецификой произведения.

Сергей, о чём мы узнаём из первого романа пенталогии, по велению государыни вынужден был отправиться с дипломатическим поручением во Францию во время разразившейся в ней революции. Прожив год в Париже, он

получил распоряжение немедленно ехать в Лондон. Восемь лет пришлось молодому дипломату провести вдали от родины: *“<...> судьба отнеслась к нему жестоко, оторвала его на долгое время от всего, что было ему близко, от всех, кого любил он в годы юности”* [9, 67]. Более же всего страдал он из-за расставания с невестой, произошедшего по причине измены с его стороны. После долгожданного возвращения в Россию, Горбатов точно знал, что новая его встреча с Таней после стольких лет разлуки не случайна, и всеми силами пытался вернуть упущенное время. Все эти годы, казавшиеся бесконечными, Сергей и Татьяна жили лишь воспоминаниями друг о друге, и настоящего для них не существовало.

Между тем, во время одного из разговоров с Таней, Сергей упрекнул её в гордости, в том, что она оставила его в те самые минуты, когда должна была спасти его от наваждения. Таня осознала свою вину перед Сергеем, но невыносимую боль ей причиняло осознание не столько этой вины, сколько безвозвратно ушедшего времени, прожить которое вновь они не смогут: *“Она оплакивала каждый день этой сумрачной, бесполезно, как ей теперь казалось, прожитой ею жизни, <...> оплакивала каждый день, уносивший её юность, её свежесть. Чего не дала бы она теперь, чтоб только воротить потерянное, загубленное время, – но его не воротить! Как нужно теперь торопить счастье, пришедшее так поздно <...>”* [9, 141]. Но всё же девушка приняла твёрдое решение во что бы то ни стало вернуть потерянное ею и Сергеем время, поскольку отныне *“каждая минута её жизни принадлежит ему”* [9, 231]. Для Сергея же в мысли о том, что столь тягостное *“старое прошло невозвратно”*, и скоро совсем забудется, заключалось высшее счастье, и он *“не способен был оглядываться, вспоминать, упрекать и терзаться”* [9, 142].

Несмотря ни на что, Таня и Сергей, любящие друг друга ещё сильнее, чем прежде, сумели вычеркнуть восемь лет тягостной разлуки из своей жизни с тем, чтобы никогда больше *“не разлучаться до скончания дней своих”* [9, 381]. После венчания, которого влюблённые ждали так долго, Татьяна обращается к Сергею со следующими словами: *“<...> я благословляю всё наше ужасное прошлое – не будь его, не будь этих испытаний, быть может, мы никогда бы не были так счастливы, как сегодня”* [9, 405]. Таким образом, события прошлой жизни оказали значительное влияние на настоящее персонажей и потерянные годы, проведённые в разлуке, лучше всяких слов помогли им понять, как сильно они дорожат друг другом. Если бы прошлое было иным, неизвестно, как сложилась бы их дальнейшая жизнь.

В процессе изучения перцептуального времени в романе “Вольтерьянец”, мы пришли к выводу о том, что оно играет исключительно важную роль в судьбе большинства его персонажей. По нашему убеждению, наилучшим образом проиллюстрировать значение времени не только в жизни отдельно взятых героев, но также и в романе в целом, можно с помощью одного из наиболее известных высказываний древнегреческого философа Фалеса Милетского: *“Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает всё”*.

Действительно, именно всеильное время всё расставило на свои места. Екатерина Великая, поначалу очарованная Густавом, в конце концов, смогла постичь его истинную сущность, равно как и великая княжна Александра Павловна, в первые дни знакомства с женихом убеждённая в искренности и глубине его чувства и совершеннейших душевных качествах. С течением времени ясными стали императрице и двойная игра герцога Карла, и интриги Платона Зубова, тщательно вуалируемые благими намерениями. Несколькими годами была проверена дружба Павла Петровича и его супруги с Екатериной Ивановной Нелидовой, и с каждым днём отчётливее становилось сознание того, как много она для них значит и насколько искренним является её к ним расположение. Лев Александрович Нарышкин после смерти императрицы упрекал себя в том, что прежде не ценил её как следует, и лишь после того, как навеки потерял в её лице своего друга, сумел понять, как много значил в его жизни этот человек. Фёдор Васильевич Ростопчин и Иван Павлович Кутайсов своей многолетней верной службой государю сумели доказать ему свою преданность и стать теми немногими из его сподвижников, на которых он всегда мог опереться в силу их надёжности и готовности в любую минуту прийти на помощь. И, наконец, Сергей Горбатов и Таня Пересветова с течением времени смогли совершенно по-иному взглянуть друг на друга, простить совершённые в прошлом ошибки и понять, насколько сильными являются их взаимные и проверенные годами чувства.

Перспективы наших дальнейших исследований связаны с изучением особенностей репрезентации художественного времени в следующих частях пенталогии Всеволода Соловьёва – романах “Старый дом”, “Изгнанник” и “Последние Горбатовы”.

Литература

1. Блищ Н. Л. Лекции по истории русской литературы XIX века (II пол.) / Н. Л. Блищ, С. А. Позняк. – Минск : Изд-во БГУ, 2004. – 112 с.
2. Ворова Т. П. Диалогия Вс. Соловьёва “Волхвы” и “Великий розенкрейцер” в социокультурном контексте эпохи : дисс. ... к. филол. н. : 10.01.02 “Русская литература” / В. Т. Петровна. – Днепропетровск, 2008. – 224 с.
3. Давыдова Т. Т. Теория литературы : [учеб. пособие] / Т. Т. Давыдова, В. А. Пронин. – М. : Логос, 2003. – 232 с.
4. Лексина А. В. Историческая проза Вс. С. Соловьёва (генезис и поэтика) : дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / А. В. Лексина. – Коломна, 1999. – 175 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А. В. Николюкина]. – М. : НПК “Интелвак”, 2001. – 1600 с.
6. Литературный энциклопедический словарь / [под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьёва: проблемы творческой эволюции : дисс. ... д. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / Е. В. Никольский. – Тверь, 2014. – 547 с.
8. Никольский Е. В. Семейная хроника в творчестве Всеволода Сергеевича Соловьёва : [монография] / Е. В. Никольский. – Тверь : Изд-во Марины Батасовой, 2012. – 312 с.
9. Соловьёв Вс. Собрание сочинений : [в 9 т.] / Вс. Соловьёв. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – Т. 4 : Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец: Исторический роман. – 448 с.

10. Темирболат А. Б. Проблема хронотопа в современной прозе : [учеб. пособие] / А. Б. Темирболат. – Алматы : Ценные бумаги, 2003. – 200 с.
11. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : [учеб. пособ. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / З. Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с. – (Б-ка филолога).
12. Широкова Е. Н. Типология эмотивного времени / Е. Н. Широкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Филология. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2008. – № 1. – С. 215–219.

Анотація

Стаття присвячена художньому часу роману Всеволода Соловйова “Вольтер’янець”, другої частини пенталогії “Хроніка чотирьох поколінь”. У темпоральній структурі тексту виокремлено п’ять часові пластів: історичний час, подієвий, хронікально-побутовий, оповідний та перцептуальний. Розглянута специфіка відтворення перцептуального часу як складової хронотопу роману. Автор робить висновок про те, що перцептуальний час грає надзвичайно важливу роль у долі більшості персонажів: Катерини Великої, О. А. Безбородька, П. О. Зубова, Л. О. Нарішкіна, герцога Карла Сьодерманландського, Густава IV Адольфа, Олександри Павлівни, Павла Петровича, Ф. В. Ростопчина, І. П. Кутайсова.

Ключові слова: художній час, пенталогія, сімейна хроніка, історична проза, хронотоп, темпоральна структура, перцептуальний час, історичний час, конспективний метод.

Аннотация

Статья посвящена художественному времени романа Всеволода Соловьёва “Вольтерьянец”, второй части пенталогии “Хроника четырёх поколений”. В темпоральной структуре текста выделено пять пересекающихся и дополняющих друг друга временных пластов: историческое время, событийное, хроникально-бытовое, повествовательное и перцептуальное. Рассмотрена специфика воссоздания перцептуального времени как составляющей хронотопа романа. Автор делает вывод о том, что перцептуальное время играет чрезвычайно важную роль в судьбе большинства персонажей: Екатерины Великой, А. А. Безбородко, П. А. Зубова, Л. А. Нарышкина, герцога Карла Зюдерманландского, Густава IV Адольфа, Александры Павловны, Павла Петровича, Ф. В. Ростопчина, И. П. Кутайсова.

Ключевые слова: художественное время, пенталогия, семейная хроника, историческая проза, хронотоп, темпоральная структура, перцептуальное время, историческое время, конспективный метод.

Summary

The article deals with the artistic time of Vsevolod Solovyov's novel “The Voltairian”, the second part of his pentalogy “Chronicle of Four Generations”. Five time layers which intersect and complement each other are singled out in the temporal structure of the text. They are the historical time, event time, chronicle and everyday time, narrative time and perceptual time. Peculiarity of recreation of the perceptual time as the novel chronotope component is considered. The author comes to the conclusion that the perceptual time is extremely important in the fate of most characters: Catherine the Great, A. A. Bezborodko, P. A. Zubov, L. A. Naryshkin, Duke Carl of Södermanland, Gustav IV Adolf, Alexandra Pavlovna, Pavel Petrovich, F. V. Rostopchin, I. P. Kutaisov.

Keywords: artistic time, pentalogy, family chronicle, historical prose, chronotope, temporal structure, perceptual time, historical time, summary method.